

ВОСТРЕБОВАНА ЛИ «МЕГАЭКОНОМИКА»?

*Армен Мартиросян**

«О нас будут судить не на основе критики наших оппонентов, а по результатам наших действий».

Уинстон Черчилль

Недавно один из моих друзей обратился ко мне с просьбой прокомментировать работу Гр.Багратяна под названием «Основы мегаэкономики»¹. Не скрою, мне было приятно узнать, что наш соотечественник дерзнул на создание новой науки – «мегаэкономики». Однако, изучив трактат г-на Багратяна, я усомнился в обоснованности некоторых его тезисов и в научно-прикладной ценности начинания в целом. Как мне представляется, основные выводы автора, как минимум, требуют более всесторонней проработки и дополнительной аргументации. Помимо этого, часть представленных вопросов не отличается новизной и/или научной актуальностью, а некоторые являются предметом изучения макроэкономики открытых рынков (*open-market macroeconomics*). Чтобы не быть голословным, позволю себе, без претензий на всеобъемлющий анализ работы г-на Багратяна, представить свои соображения.

Как известно, введение любой научной работы, тем более претендующей на формирование новой научной области, призвано в кратком виде представить предмет исследования, его проблематику, основные понятия, тезисы и выводы автора. Должен признаться, что уже первые предложения, приведенные в главе **Введение**, вызвали у меня некоторое недоумение. Так, согласно автору, «экономическая стабильность просто воспринимается как стабильно повторяющаяся нестабильность». Дальше – больше: по его мнению, несмотря на то, что «макроэкономические показатели пошли вверх, но желаемый оптимизм так и не наступает». Не ясно, какие именно макроэкономические показатели имеет в виду автор, ибо рост многих из них является предметом серьезного беспокойства и ни-

* Чрезвычайный и Полномочный Посол РА в Германии.

¹ http://ragir.am/links/megaeco_rus.pdf

как не призван вызывать рост оптимизма. В целом, нужно отметить, что работа изобилует трюизмами. Вывод о том, что преодоление кризиса дается нелегко даже самым развитым странам и задачу «стабильного экономического роста решать не удастся», никем не оспаривается. Вместе с тем утверждение о том, что «традиционная интерпретация кризиса и его объяснение терминами и понятиями современной экономики невозможны», весьма сомнительно. К сожалению, довольно часто именно на основе подобных соображений и весьма спорных постулатов автор обосновывает необходимость формирования новой экономической науки.

Дебаты относительно первопричин кризиса еще продолжаются, и вряд ли можно ожидать единого мнения по этой проблеме. Не претендуя на анализ этого сложного вопроса, хочу отметить, что, кроме всего прочего, разногласия относительно причин кризиса имеют методологическую основу. Как известно, в современной экономике преобладают два основных течения: Кейнсианская экономика, построенная на постулате *спроса*, и неоклассическая экономика, основанная на постулатах *рациональных ожиданий и эффективных рынков*. Так как ни одной из указанных школ не удалось утвердиться в качестве общепризнанной модели, то эксперты, представляя одну из указанных школ, при рассмотрении экономических явлений, в том числе кризисов, нередко приходят к различным, порой взаимоисключающим выводам.

Автор обращается к проблеме обеспечения стабильного экономического роста, актуальной с древнейших времен и отраженной в Библии в контексте 7 благоприятных и 7 голодных лет. Общеизвестно, что стабильный экономический рост имеет место в том случае, если данная экономика демонстрирует экономический рост в течение продолжительного времени. Исследования лауреата Нобелевской премии, одного из основателей Новой Институциональной экономики (*New Institutional Economics*) Дугласа Норта свидетельствуют, что до начала 19-го века долгосрочные темпы роста мировой экономики были близки к нулю. (Что, естественно, не исключало повышение материального благосостояния людей в прошлом.) Это являлось следствием того, что на каждый период роста доходов приходился более длительный период их падения. Современным высокоиндустриальным странам удавалось и до сих пор удается обеспечивать экономический рост за счет исключения длительных периодов негативного роста своих экономик. При этом богатые страны демонстрировали и продолжают демонстрировать более скромные темпы роста по сравнению с аналогичными показателями бедных стран. Согласно Д.Норту, бедные страны остаются таковыми в силу того, что они испытывают более частые периоды сокращения реальных доходов, и при этом абсолютная величина их падения существенно превышает этот показатель по сравнению с аналогичным показателем богатых стран.

Разделяю мнение автора о важности качества экономического роста, о чем говорится в главе «*Мегаэкономика и проблемы измерения экономического роста*». Сегодня общепризнано, что классическое определение экономического роста, выраженное в росте дохода на душу населения, недостаточно отражает социально-экономическую ситуацию того или иного общества. История экономического развития многих стран демонстрирует, что не всякий экономический рост отражается на повышении благосостояния этих обществ. Так, рост экономики Пакистана на протяжении десятилетий практически не способствовал улучшению основных социально-экономических показателей населения в целом. Именно поэтому некоторые экономисты представили более всеобъемлющее определение экономического роста. Так, Давид Валднер *семантически* определяет экономическое развитие как такое изменение экономических структур и/или процессов, которое увеличивает способность экономической системы по созданию более высокой добавочной стоимости. Развивая свое суждение, он вводит также оперативное определение экономического развития, включающее 4 обязательных составляющих: новые инвестиции, способствующие росту национального дохода на душу населения; создание межсекторальных и межиндустриальных связей; рост производительности труда в соответствующих секторах экономики; стабильное увеличение доли производства товаров и услуг с более высокой добавочной стоимостью. Другой видный экономист, профессор Гарвардского университета Дени Родрик ввел понятие *стратегии качественного роста*, под которой он подразумевает набор таких экономических мер и институциональных изменений, которые приводят к выравниванию социально-экономических показателей развивающихся и развитых стран.

Исходя из вышеуказанных определений развития, жилищное строительство, на которое ссылается автор, несомненно, является не лучшим средством для обеспечения стабильного и качественного экономического роста. Но, как мне кажется, требуется обоснование предположения автора о наличии «огромного количества пустующих квартир», которое в «мегаэкономике» замедляет экономическое развитие. Да и вряд ли причиной «обостренного варианта кризиса» в РФ, Украине и Армении является жилищное строительство, как утверждает автор.

Далее, спорным кажется вывод автора, о том, что «кризис оказался сильнее в странах, где экономика, ее рост были диверсифицированы» (4-ый пункт главы «К вопросу о причинах и специфике современного экономического кризиса»). То, что именно недостаточная диверсифицированность экономик усугубила кризис и его последствия во многих странах, включая Армению, сегодня никто не оспаривает. Вместе с тем, вопреки утверждению автора, страны, где большую долю экономики составляет экспорт сырья, пострадали меньше других. Примеры Азер-

байджана, Туркмении, Казахстана, Узбекистана, Катара, Ботсваны и многих других сырьевых стран наглядно демонстрируют, как экспорт природных ресурсов позволил им не только смягчить последствия кризиса, но и поддержать темпы развития. Да и в контексте Армении, не будь экспорта продукции горной металлургии, негативные последствия кризиса были бы глубже.

Автор, призывая не сравнивать экономики Армении и США, тем не менее именно на основе такого сравнения строит свои рассуждения о вкладе стран в развитие мировой экономики (ничего нового, естественно, в этом нет) и их роли в «установлении равновесия». Для решения последней задачи им предлагается развитие экспорта. Если даже условно согласиться с тезисом о необходимости и возможности обеспечения «глобального равновесия», то реализация такой цели посредством экспорта кажется весьма сомнительной затеей. Известно, что одной из причин последнего мирового экономического кризиса являлся дисбаланс мировой экономики именно вследствие того, что некоторые страны (Китай, Германия и др.), недостаточно поощряя внутреннее потребление, строили стратегию своего экономического роста на основе развития экспортно-ориентированного производства со всеми вытекающими последствиями.

Некоторые суждения автора, как-то: деление «вселенной» на условные цивилизации, введение понятия некой «эталонной страны» с населением порядка 32 млн. человек, перечисление на основе этого набора цифровых данных, расчет «коэффициентов коррекции» и т.д. я склонен рассматривать скорее как умственные упражнения, нежели как инструментарий, пригодный для прикладного экономического анализа.

Далее, непонятен вывод о возникновении «общемировых условий равновесия спроса и предложения не только на товары и услуги, но также на ресурсы», под коими автор подразумевает землю, труд, сырье, капитал и инновации. В частности, тезис о «свободном переливании ресурсов из одной страны в другую» заслуживает особого рассмотрения и, с моей точки зрения, является наиболее уязвимым предположением автора, на котором он строит свою концепцию. Действительно, есть мнение, что современная мировая экономика представляет собой единый рынок, где товары, услуги и активы беспрепятственно пересекают государственные границы. Однако многие экономисты задались вопросом: насколько глобальна мировая экономика сегодня? Д.Родрик для рассмотрения этого вопроса предлагает представить мир, в котором рынки товаров, услуг и факторов производства идеально интегрированы, и далее определить, как далеко мы находимся от такого «идеального» состояния. Так вот, проф. Родрик и ряд других видных экономистов заключили, что в условиях отсутствия тарифов и нетарифных барьеров, лингвистических и культурных различий, неопределенностей обменных курсов и других каких-либо серьезных экономиче-

ских препятствий разделение политики и юрисдикции даже между такими гомогенными обществами, как США и Канада оказывает достаточно негативное влияние на развитие их двусторонней торговли. Ограниченность интеграции рынков активов более зрима. Наблюдается явная «предвзятость» капитала, который обращается в основном в развитых индустриальных странах или среди таковых. Это косвенно признает сам автор, утверждая, что «основная масса *FDI* идет в развитые страны». В целом, как мне кажется, парадигма свободного обращения капитала в последние 20 лет претерпевает качественные изменения. Позволю несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Довольно долго доминировало мнение, что полная и ранняя либерализация финансовых рынков и бесконтрольный приток иностранного капитала выгодны развивающимся странам и несут исключительно блага. Практически все реформы, реализуемые в развивающихся странах и странах с переходной экономикой на протяжении десятилетий, подразумевали беспрепятственное обращение капитала – подобно тому как это имело место в случае обращения товаров и услуг. Однако, если правомерность либерализации торговли сегодня мало кем оспаривается, то приемлемость свободного обращения капитала подвергается все большему сомнению. Такие видные экономисты, как Дз.Стиглиц, Дж.Буагвати, Д.Норт и некоторые другие, на основе всестороннего анализа продемонстрировали негативные последствия такой политики на примере многих стран. Финансовые кризисы 90-х в Восточной Азии и Латинской Америке дискредитировали некоторые основополагающие идеи Вашингтонского консесуса, бросив тень, тем самым, на всю некогда доминирующую парадигму развития. Многие новые рынки, умудренные горьким опытом, посредством соответствующих мер значительно уменьшили свою зависимость от внешних неконтролируемых финансовых потоков и таким образом снизили соответствующие риски. Подобная иммунизация от вредного воздействия внешних флуктуаций позволила многим развивающимся странам не только продемонстрировать более высокую способность противостояния неблагоприятной конъюнктуре, но и обеспечить внушительные темпы развития. Вместе с тем последствия кризиса в Исландии и Ирландии, например, показали, к чему может привести свободное обращение капитала даже в развитых странах. Не случайно Фр. Фукуяма одним из парадоксальных последствий кризиса 2008-2009гг. обозначил то обстоятельство, что англосаксы в конце концов поняли то, что Восточная Азия поняла в конце прошлого века, а именно: открытость рынков активов в условиях нерегулируемых финансовых потоков является «поводом для катастроф, которые не заставляют себя долго ждать». Как считает исследователь, последний кризис положил конец эпохе слепого поклонения идолу иностранного капитала (*the foreign finance fetish*). Именно поэтому перспективы «свободного перелива капитала» в ближайшем будущем мне не кажутся такими уж яркими, как это предполагает г-н Багратян.

Продолжая тему уровня интегрированности мировой экономики, хочу отметить то обстоятельство, что до сих пор существуют различия между реальными обменными курсами стран развитого капитала с довольно интегрированными финансовыми рынками.

Рассуждения об интеграции рынков труда и «установлении равновесия в мировой экономике посредством интенсивной миграции людей», как призывает автор, мне кажутся слишком уж скороспелыми. Известно, что даже в рамках наиболее интегрированных рынков Европейского Союза все еще существуют различные препятствия, ограничивающие свободное перемещение труда. К тому же, рост угрозы терроризма, обострение разного рода националистических и фундаменталистских настроений во многих обществах вряд ли в ближайшей перспективе будут способствовать интеграции рынков труда и «свободному переливанию ресурсов (особенно человеческих) из одной страны в другую», как утверждает автор. Констатация лидерами некоторых стран западной демократии провала политики мультикультурализма также ставит вопросы относительно перспектив интеграции рынков труда в ближайшем будущем. Другое дело, что, имея набор эффективных средств, развитые страны продолжают активную реализацию политики «*brain-drain*», которая дорого обходится развивающимся странам.

Рассуждая об инновациях, автор утверждает, что в то время как в Китае, Индии и Бразилии «инновационная волна... находилась на стадии интенсивной реализации», в странах Запада она «носила затухающий характер». Вывод мне показался весьма спорным и, чтобы убедиться в правомочности суждений автора, я обратился к публикациям инновационных рейтингов. Для определения инновационности на страновом уровне (соответствующие оценки проводятся также на корпоративном уровне) применяются в основном два индекса: Глобальный инновационный индекс (*Global Innovation Index*) и Индекс инновационного потенциала (*Innovation Capacity Index*). Так вот, согласно первому Индексу Китай, Индия и Бразилия делят 27, 46 и 72 места соответственно. Согласно второму Индексу их инновационные рейтинги занимают 64, 88 и 81 позиции соответственно. Я не смог найти свидетельства затухания инновационной волны на Западе. Другое дело, что кризис заставил лидеров западных стран серьезно задуматься о повышении конкурентоспособности национальных экономик и дальнейшем повышении производительности труда. Несмотря на наличие серьезного инновационного потенциала Японии, Тайваня, Ю. Кореи и Сингапура, в силу известных причин Запад в обозримом будущем остается основным генератором научно-технического прогресса.

Глава «Инновационность экономики, циклическое развитие и новые возможности мировой экономики к равновесию» изобилует прописными истинами. Перечислю лишь некоторые из них: «инновационность экономики... является

тем ресурсом, который способен компенсировать сырьевую дефицитность», «креативность инноваций должна быть выше затрат на них», «инновационная экономика позволяет компенсировать потерю от удорожания сырья». Непонятно, что имеет в виду автор, когда говорит о «борьбе инноваций с сырьевыми ресурсами». Далее, продолжительность инновационных циклов не могла исчисляться несколькими десятками тысяч лет, как утверждает автор, по той простой причине, что первые постоянные группы совместного обитания и взаимодействия людей начали формироваться около 10 тысяч лет назад. В существующей до этого формации, основанной на охотничестве и собирательстве, так называемый добывательский строй (*foraging order*), вряд ли могла иметь место инновационная деятельность. Она, как известно, началась с индустриальной революцией, приведшей к становлению экономической системы, которую Джозеф Шумпетер окрестил как «созидательное разрушение» (*creative destruction*). Позволю себе оспорить также вывод автора о причинно-следственной связи инновации и демократизации экономики. Не первое стимулирует второе, как утверждает автор, а именно демократизация экономики, ее открытость создает предпосылки и благоприятную среду для инновационной деятельности. Вместе с этим, ограничение или отсутствие экономической конкуренции резко ухудшает условия для инновационной деятельности, и беглое ознакомление с Глобальными инновационными индексами стран поможет легко убедиться в этом.

Дополнительной проработки требует вывод автора о «неадекватности современного управления мировой экономикой». Сам тезис о наличии такого управления уже мне кажется довольно спорным. Известно, что управление предполагает наличие некоего глобального плана, соответствующих индикаторов, набора согласованных мер и принципов функционирования субъекта управления с целью реализации плана, способности системы управления своевременно обнаруживать отклонения от курса и корректировать его. Всего этого, естественно, мы не наблюдаем. Суть проблемы заключается в том, что хотя и рынки глобализируют, реальная политика все еще формируется в основном на уровне государственных образований, которые слишком уж отличаются по своим политическим, культурно-конфессиональным, социально-экономическим, правовым, демографическим, территориально-климатическим признакам и уровням развития. Такое разнообразие далеко не способствует делегированию ряда полномочий суверенных государств некоему легитимному и дееспособному наднациональному органу для осуществления эффективного глобального управления. Даже в рамках Европейского Союза текущий кризис вскрыл серьезные проблемы именно в контексте дефицита политической и фискальной интеграции стран ЕС.

Отсюда возникают непростые вопросы: какой должна быть политика в мире, в котором международные рынки будут свободны от ограничительных рамок национальной юрисдикции? Какие институты, структуры и механизмы требуются для гармоничного совмещения глобализирующей экономики и национальных политик? Указанная асинхронность имеет серьезные последствия. С одной стороны, существующие политико-юридические границы национальных государств серьезно ограничивают экономическую интеграцию. С другой стороны, заинтересованность крупного бизнеса в углублении глобализации ослабляет институциональные основы национальных экономик и снижает эффективность правительств в реализации суверенной экономической политики. Крупнейшие мировые экспортеры, транснациональные корпорации, глобальные финансовые структуры все еще неудовлетворены существующими ограничительными нормами и регуляторными механизмами, в то время как национальные группы по интересам (профсоюзы, «зеленые», различного рода общества защиты потребителей и т.д.) пытаются противостоять интернационализации национальных стандартов, законодательств и процедур, т.е. всего того, что призвано способствовать дальнейшему углублению интеграционных процессов и глобализации. Первая группа молится на глобализацию, пожиная ее плоды, вторая проклинаяет ее, сваливая на этот процесс все проблемы современности. Национальные правительства, стремясь одновременно угодить противоборствующие стороны, в конечном итоге своими половинчатыми мерами разочаровывают обе.

Проблему совмещения национальных приоритетов с глобальными интересами, с которой сталкивается сегодня мировая экономика, удачно представил Д.Родрик, введя понятие «*политической трилеммы*». Составляющими этой несовместимой тройцы являются требования международной экономической интеграции, интересы суверенных государств и массовая политика. Профессор Родрик аргументирует, что одновременная реализация указанных трех составляющих несовместимой триады при нынешних условиях невозможна. Согласно автору, одним из путей эффективного решения указанной проблемы является постепенная федерализация межгосударственных отношений на глобальном уровне, подобно тому как это сделано в США. В этой стране, как известно, несмотря на различия в области регулирования экономической деятельности на уровне штатов, наличие общенациональной Конституции, федерального правительства, Федеральной резервной системы и Верховного суда обеспечивают общенациональный характер американского рынка. Другим примером является ЕС, который также движется, хотя и не без колебаний, по пути федерализации отношений стран-членов ЕС. Таким образом, несмотря на то, что идея мирового правительства будоражила умы человечества с древнейших времен, ее практическое осуществление в обозримом будущем вряд ли реальна, а востребованность концепций по глобальному управлению мировой экономикой весьма ограничена.

Автор поверхностно затрагивает актуальную ныне тему мировой денежной системы и общего платежного средства. Воздерживаясь от комментариев по этому поводу, отмечу, что за последнее десятилетие доля американского доллара в международных валютных резервах сократилась до 60%, в то время как доля евро увеличилась до 25%. Как только обеспечится свободная конвертируемость китайской национальной валюты и Китай отменит механизмы валютного контроля, нынешние темпы экономического развития страны откроют перспективы ренминби стать также глобальной валютой. Таким образом, трансформация мирового политического порядка из однополярного в многополярный мир сопровождается трансформацией одновалютной международной валютной системы в многовалютную. Естественно, этот эволюционный процесс не решит насущные проблемы международной денежной системы, но такая тенденция в долгосрочной перспективе может способствовать сбалансированию мировой экономики и снижению рисков возникновения новых глобальных кризисов.

Бесспорно, что большинству стран мира в силу объективных причин не под силу серьезно влиять на мировую экономику. Но национальные правительства могут правильно воспользоваться возможностями глобализации, одновременно обеспечивая иммунитет национальных экономик от «заразных болезней», которые разносит глобализирующая мировая экономика. Исходя из таких условий, для развивающихся стран, а также для Армении, как мне кажется, более актуально решение задачи обеспечения качественного экономического роста и стабильного развития страны.

Несомненно, предмет «развития» как для практиков, так и исследователей экономики отличается особой сложностью, и ожидать доступных и скорых решений было бы крайне наивно. История развития постколониальных и постсоветских стран свидетельствует, что реализация таких стандартных рецептов как приватизация, либерализация рынков, увеличение капитала, соблюдение финансово-бюджетной дисциплины, обуздание инфляции и т.д. недостаточны для обеспечения их стабильного развития. Совершенно уместна постановка Д.Норта, указывающего на парадокс, с которым сталкиваются ортодоксы традиционной теории развития: почему развивающимся странам не удастся разработать и реализовать политику, которая бы обеспечивала Парето-эффективность? Где надо искать первопричину этого парадокса? По мнению ученого, сущность проблемы заключается в том, что теория экономического развития и соответствующие рекомендации развивающимся странам традиционно строились, исходя из опыта и практики развития стран, относящихся к категории *обществ с открытым доступом* (*open access orders/societies*), более известных сегодня как *высокоразвитые страны*. Основную же группу стран сегодня составляют так называемые *натуральные общества* или *общества с ограниченным доступом* (*natural states or limited access*

states), коими являются большинство современных государств. К тому же конвенциональная экономика безоговорочно подразумевает постулат Макса Вебера о том, что государство, легитимно наделенное монополией насилия, будет применять эту самую монополию исключительно для обеспечения правопорядка и никак иначе. Хотя, как свидетельствует опыт многих развивающихся стран, монополия насилия со стороны власти может использоваться также для достижения других целей, которые серьезно препятствуют стабильному экономическому росту и чреваты опасными побочными эффектами.

Исходя из этого, вся логика исследования проблемы развития и выработки соответствующих рекомендаций требует иного подхода. Поэтому Д.Норт предлагает глубже изучить и понять сложные механизмы трансформации обществ с ограниченным доступом в общества с открытым доступом. По его мнению, это позволит обеспечить необходимые условия для стабильного и качественного экономического роста государств и мировой экономики в целом.

Для реализации этой задачи одной экономической науки действительно недостаточно. Требуется междисциплинарный подход и соответствующие инструменты комплексного анализа, но не учреждение «мегаэкономики», как это предлагает автор. В противном случае, следуя его логике и в силу того, что современной физике не удастся совместить теории тяготения, принципов относительности и квантовой физики, физики-ученые давно бы прибегли к учреждению «мегафизики».

Март, 2011г.

IS “MEGA-ECONOMICS” IN DEMAND?

Armen Martirosyan

Resume

While analyzing the monograph of H. Bagratyan “The Principles of Mega-Economics” the author came to the conclusion that ideas postulated by H. Bagratyan are far from being indisputable and the declarative “establishment” of a new discipline, the novelty and topicality of which are rather questionable, do not resolve the main issues of the economics as a science.